

Заклучэнне. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што перавага прамога і ўскоснага варыянтаў эмацыйна-станоўчага абзначэння свайго полу кажа аб сфарміраванасці пазітыўнай гендарнай ідэнтычнасці, магчымай разнастайнасці ролевых паводзін, прыняцці сваёй прывабнасці як прадстаўніка полу, і дазваляе рабіць спрыяльны прагноз адносна паспяховасці ўстанаўлення і падтрымання партнёрскіх узаемаадносін з іншымі людзьмі. Аналіз гендарнай ідэнтычнасці студэнтаў у інтэрпрэтацыі тэсту Куна-Макпартленда “Хто я?” паказвае ўстойлівасць гендарнай ідэнтыфікацыі. Можна меркаваць, што ў доследнай групе студэнтаў пераважаюць традыцыйныя нарматыўныя каштоўнасці ў рамках гендарнай самаўспрымання і ідэнтычнасці. У той жа час, лічым неабходным правядзенне даследаванняў гэтага ракурсу дастаткова рэгулярнымі. Гэта звязана з трансфармацыяй ва ўмовах глабалізацыйных працэсаў у мужчын і жанчын як вобразу сябе, так і крытэрыяў светапоглядных устаноў адносна гендарнай ідэнтычнасці, здольнасцю сучаснага індывіда будаваць уласную ідэнтыфікацыю і кіраваць ёю. Асабліва важна сачыць за асаблівасцямі дадзенай з’явы ў маладзёжным асяродку.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Трубина, Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности/ Е.Г. Трубина. – Екатеринбург, 2005. – С. 15.
2. Мацюшкова, С.Д. Беларуская народная педагогіка ў кантэксце гендарнай культуры / С.Д. Мацюшкова, С.Г. Туболец // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2014. – №2(80) – С. 91–98.

УДК 316.62

**КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ:
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Н.В. Муращенко

г. Смоленск, Смоленский государственный университет
(e-mail: ncel@yandex.ru)

В.В. Гриценко

г. Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет
(e-mail: gritsenko2006@yandex.ru)

М.Н. Ефременкова

г. Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет
(e-mail: mnemeta@yandex.ru)

Число кросс-культурных психологических исследований растет год от года, не смотря на объективную сложность их организации и проведения. Перспективность подобных изысканий обусловлена научным богатством получаемого материала, возможностью выделения общие надкультурных и культурно-специфических феноменов и/или закономерностей психического функционирования [3], учет которых позволяет эффективно решать разноплановые задачи, стоящие перед современным обществом.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью решения противоречия между очевидным ростом эмиграции из России и из других стран и недостаточной изученностью психологических механизмов принятия молодыми

людьми решения о смене страны проживания. Несмотря на значительный накопленный в мировой науке теоретический и эмпирический материал по проблеме анализа психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи, в данном научном поле отсутствуют современные кросс-культурные исследования целостной структуры социально-психологического пространства, в котором формируются эмиграционные намерения молодежи [2].

Целью нашего исследования стало выявление общих и специфических характеристик социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи трех стран: Беларуси, Казахстана и России.

Выбор данных государств для проведения исследования не случаен и обусловлен рядом причин. Прежде всего, Россия, Беларусь и Казахстан – это государства постсоветского пространства, имеющие общую историю и тесные связи, но в то же время уже более 25-и лет функционирующие как независимые государства, для которых характерны различные трансформации и суверенные пути развития. Значимо географическое положение трех стран и доминирующие ценности населения каждой из них. Географически Казахстан в большей степени расположен в Центральной Азии, Беларусь – в Восточной Европе, а Россия – в Восточной Европе, Северной и Центральной Азии. Согласно данным исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>) Беларусь сочетает в себе выраженные ценности выживания с секулярно-рациональными ценностями, в Казахстане в гораздо большей степени тяготеют к традиционным ценностям и более ярко выражены ценности самовыражения, Россия занимает в данной координатной системе промежуточное положение между Беларусью и Казахстаном (шестая волна измерений WVS). Таким образом, подобное «промежуточное», «срединное» географическое и ценностное положение России между Беларусью и Казахстаном позволяет, на наш взгляд, прогнозировать возможности выявления общих и специфических характеристик социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи данных стран в процессе кросс-культурного анализа.

Базовым феноменом (зависимой переменной) в проводимом исследовании и ключевым элементом социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи является *само эмиграционное намерение*, рассматриваемое нами с позиции теории планируемого поведения А. Айзена и М. Фишбейна [8]. Опора на теорию планируемого поведения в методическом плане предполагает разработку авторского опросника эмиграционных намерений с учетом требований, предъявляемых к подобным методикам [4]. При этом опросник должен включать не только утверждения/вопросы, ориентированные на оценку самого эмиграционного намерения, но и пункты, позволяющие оценить факторы, влияющие на формирование эмиграционных намерений (согласно теории А. Айзена и М. Фишбейна), а именно: установки респондентов в отношении эмиграционного поведения (позитивная или негативная оценка данного поведения), субъективные нормы (мнения респондентов об ожиданиях других людей относительно их возможного эмиграционного поведения и готовность респондентов им соответствовать), воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным кажется респондентам процесс реализации данного поведения). Наряду с этим важно понимать, что продуктивный современный научный подход к изучению эмиграционных намерений не возможен без учета научно-методических разработок и тенденций, оформившихся в последние годы в области психологического анализа эмиграционных интенций. Особую значимость при проведении подобных исследований имеет учет макрофакторов формирования эмиграционных интенций, той социальной, политической и экономической

среды, в которой они развиваются [5]. Наряду с этим важно понимать, что процесс формирования эмиграционного намерения тесно связан с наличием возможностей или ресурсов для его осуществления. Дж. Карлинг и К.Шевел [5] пишут о том, что международная миграция является результатом двух основных факторов – стремления и способности/возможности к эмиграции. Реализуют эмиграционное поведение как правило именно те, кто обладает и стремлением, и соответствующими способностями/возможностями. То есть анализ эмиграционных намерений должен включать в себя оценку соотношения стремлений и возможностей респондентов в отношении реализации эмиграционного поведения.

Для каждого этапа эмиграционного поведения характерны свои эмиграционные интенции. Эмиграционное желание как эмоциональный генератор является пусковым механизмом и энергетическим потенциалом добровольного эмиграционного поведения [6]. Однако, только лишь наличия желания недостаточно для реализации эмиграционного поведения. Желающих эмигрировать всегда значительно больше, нежели тех, кто планирует эмиграцию и совершает какие-либо реальные действия по ее подготовке [1; 12]. Большую субъектную активность в сравнении с *желанием* эмигрировать, несомненно, предполагает эмиграционное *намерение*, а также *планирование эмиграции*, связанное с выбором места предполагаемого пребывания, сбором материальных средств, поиском источников информационной и социальной поддержки и так далее. Однако исследовательская оценка эмиграционных желаний (наряду с оценкой эмиграционных намерений и планов) играет немаловажную роль, так как наличие желания эмигрировать является основным маркером начального этапа добровольного эмиграционного поведения, а именно – предварительного рассмотрения вопроса о переезде за границу как возможного, реального и привлекательного [10]. В контексте вышесказанного перспективной является и оценка латентных эмиграционных интенций, о которых свидетельствует готовность респондентов в условиях воображаемой ситуации рассуждать на тему того, в какую бы страну они уехали жить в результате гипотетически предоставленной возможности для этого [11]. Значимыми параметрами анализа эмиграционных намерений являются также оценка характера (постоянный или временный) планируемой эмиграции, направления (страна назначения) и срока осуществления предполагаемого переезда [5].

Чаще всего в современной психологии для изучения эмиграционных интенций используют опросные методы. Ценной в методическом плане является работа Дж. Карлинга и К. Шевел [5], в которой приводится обобщенная типология вопросов, используемых учеными в качестве инструментов оценки эмиграционных интенций в зависимости от используемых концепций и терминологического аппарата. Описываются различные методологические и методические проблемы, которые могут возникнуть при измерении эмиграционных интенций с помощью этих вопросов [5]. В частности, авторы указывают на значимость выбора слов и склоняются к использованию понятий «переезд», «проживание за границей», вместо терминов «миграция» и «эмиграция». Дж. Карлинг и К. Шевел предостерегают от попыток изучать сложные явления, используя простые вопросы, и призывают исследователей не ограничиваться вариантами ответов «нет» и «да», а применять шкалы Ликерта и включать в анкетные листы *серии* вопросов, что позволит описать различные стороны эмиграционных интенций респондентов.

Наряду с вышесказанным стоит отметить и такие значимые тенденции организации и проведения психологических исследований эмиграционных интенций, как отход в дизайне исследований от так называемой предвзятости мобильности [5; 7; 9] и необходимость рассмотрения стремления к эмиграции и стремления

остаться как эквивалентных вариантов выбора личности [5], а также продуктивность сочетания качественных и количественных методов исследования при изучении эмиграционных интенций [7; 9], признание важной роли интервью в выявлении непредсказуемых аспектов и факторов эмиграции [6; 9].

Таким образом, учет в процессе кросс-культурного исследования социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи описанных выше научно-методических аспектов организации подобных изысканий позволит реализовать наше эмпирическое исследование на комплексном системном уровне, отражающем современные тенденции психологического изучения эмиграционных интенций.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»

Список использованных источников:

1. Муращенкова, Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. – 2021. – Том 12. – №1. – С. 77–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>.
2. Муращенкова, Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т.18. – №1. – С.25–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>.
3. Янчук, В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск: Бестпринт, 2000. – 420 с.
4. Ajzen, I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (дата обращения: 16.01.2021).
5. Carling, J., Schewel, K. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2018. – Vol. 44. – № 6. – . 945–963. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384146.
6. Collins, F.L. Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2018. – Vol. 44. – № 6. – P. 964–980. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384147.
7. De Haas, H. Migration theory: Quo vadis? [Электронный ресурс]. IMI Working Paper Series 100, 2014. 39 p. URL: <https://heindehaas.files.wordpress.com/2015/05/de-haas-2014-imi-wp100-migration-theory-quo-vadis.pdf> (дата обращения: 16.01.2021).
8. Fishbein, M., Ajzen, I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. – N.Y.: Psychology Press, 2010.
9. Hooijen, I., Meng, C., Reinold, J. Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates // Population, Space and Place. – 2020. – Vol. 26. – № 5. – P. 1–21. DOI: 10.1002/psp.2313.
10. Kley, S. Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process // Population Studies. – 2017. – Vol. 71. – № 1 (Supplement). –P. 35–49. DOI: 10.1080/00324728.2017.1359328.
11. Koikkalainen, S., Kyle, D. Imagining Mobility: The Prospective Cognition Question in Migration Research // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2016. – Vol. 42. – № 5. – P. 759–776.
12. Tabor, A.S., Milfont, T.L., Ward, C. The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions // New Zealand Journal of Psychology. – 2015. – Vol. 44. – № 2. – P. 89–95.